АЛЕКСАНДР НИЛИН

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

КНИГА О В.П. АГЕЕВЕ

ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Александр Павлович Нилин
Герой своего времени. Книга о Викторе Агееве

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67121754
Герой своего времени. Книга о Викторе Агееве. / Нилин А.: Гуманитарная Академия; Москва; 2021
ISBN 978-5-93762-173-3

Аннотация

Книга о двукратном чемпионе Европы по боксу заслуженном мастере спорта СССР, заслуженном тренере СССР Викторе Петровиче Агееве, выходящая в год его восьмидесятилетия, написана его близким другом известным прозаиком Александром Павловичем Нилиным. Жизнеописание великого спортсмена сочетает в себе увлекательность повествования об одном из самых одаренных отечественных боксеров, литературный блеск и доскональное знание деталей быта и спорта советской эпохи и последних десятилетий.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

1 6
2 17
3 22
4 24
5 34
6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Александр Нилин
Герой своего времени. Книга о Викторе Агееве

Издательство выражает самую сердечную признательность Фонду поддержки боксеров «Русь» и лично его президенту Анатолию Михайловичу Петрову за бесценную помощь при подготовке данного издания.

Без возрастных ограничений.

© А. П. Нилин, текст, 2021
© МИА «Россия сегодня»/Э. Котляков, фото, 2021
© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2021
© П. П. Лосев, обложка, 2021

1

Мой друг, боксер Виктор Агеев – единственный из великих спортсменов XX века, кто откровенно предпочел радости жизни чемпионской карьере. И многих титулов недобрал, что никоим образом не сказалось на легенде о нем. Агееву приписывают и те звания, на получение которых он так и не нашел времени.

Шел 1963 год. Виктор Агеев дрался с поляком в Лодзи. А мы на Большой Ордынке следили за боем по телевизору. Старенький черно-белый телевизор стоял на сундуке, задвинутом в самый угол кухни. В каком-нибудь шаге от кричавшего комментаторским голосом экранчика за притворенной в шестиметровую комнату дверью Ахматова, нашедшая московский приют в семье Ардовых, беседовала с навестившей ее ученой дамой. Иосиф Бродский приехал из Ленинграда, где на поэта началась охота, завершившаяся ссылкой за выдуманное КГБ тунеядство.

– Нет, – сказал, не отрываясь, впрочем, от экрана, будущий лауреат Нобелевской премии, – он мне все-таки напоминает хулигана во дворе…

Агеев бил поляка в стиле, не вполне импонировавшем утонченному сверстнику, который, вероятно, представлял

себе бокс как зрелище незыблемо каноническое, выглядящее состоятельно лишь при условии, что бойцы будут напоминать английских джентльменов с книжных иллюстраций либо американизированных атлетов из иностранных фильмов, крушащих друг другу челюсти, не прибегая к видимым уловкам.

Но странно – или, напротив, естественно? – что слабо разбиравшийся в тонкостях бокса Бродский, как никто другой, точно определил суть отличия Агеева от прочих бойцов, как от практически равных ему в общем представлении, так и от более титулованных. И еще более странно, на мой взгляд, что, отметив такую особенность, он ничего в ней родственного себе не почувствовал. Или не захотел почувствовать…

Сам Бродский ввел слова из обыденной жизни и даже сленг в сложнейшую систему стихосложения – всей поглощенной, как сказали бы теперь, приватизированной им мировой культуре он обязательно находил внезапное заземление на вытоптанном прохожими клочке твердой почвы. Притом что языком улицы он говорить не собирался, уличное словцо приобретало у него в стихах огромную эстетическую энергию.

А Виктор энергию уличной стихии попытался вдохнуть в свой бокс. Нашел рифмы для немногочисленных, в сущности, боксерских приемов в изысканном обращении к тому, что усвоил в предшествующей боксу дворовой жизни. Эстетизировал, можно сказать, изобретательность, присущую

драке, не знающей апробированных приемов.

Бой на ринге не стоит вполне отождествлять с мордобоем, но сравнение с искусной дракой никак его не унижает. Иными словами, драка проникает в бокс, как народная речь в по-настоящему талантливый литературный текст.

Первые же слухи о кулачном искусстве Агеева, которое он проявил за пределами ринга, повергли в шок именно тех, кто запал на образ, созданный им в боксе. Они-то поторопились увидеть в нем отчуждение от всего грубо житейского, связанного с кровью и боем…

Зато элементарное сравнение с матадором в опубликованном в газете стишке под дружеским шаржем сразу полюбилось многим, а оно несло в себе ненужную условность. И крайне туманное представление как о боксе, так и о бое быков.

Высшего качества работа на территории быка сопряжена с наиболее вероятным риском, который как раз и ценят знатоки, и требует от суперматадора перманентного накопления в себе рефлекторной профессиональной храбрости.

В Агееве, как понимаю я теперь (а тогда только смутно догадывался, никогда ни за что не осуждая его), с молодости существовала потребность в постоянном испытании себя – боевое самоощущение вошло в его кровь рано и надолго. И малейшего внешнего или внутреннего раздражителя – в том числе (или в первую очередь) вызванного пригубленной рюмкой – хватало, чтобы воспитанная и вытренированная

им в себе система легко мобилизуемой агрессии приходила в действие. С очевидной опасностью для окружающих. И для него самого, что до поры было не столь явно. Настолько личное проявление в боксе, естественно, и стоило Агееву спортивной карьеры. Другое дело, что краткость этой карьеры в итоге пошла ему исключительно на пользу. Но кто мог о том знать в момент, когда она драматически оборвалась?

Я не записывался Виктору Петровичу в адвокаты. Более того, знаю множество людей, которые восхищаются им гораздо сильнее, чем я – мало кто так умеет располагать к себе, как он. И многократно приходилось быть свидетелем, как обиженные им граждане – причем и в наиболее оскорбительной для них форме бесцеремонного рукоприкладства – становились очень скоро с Агеевым друзьями-приятелями.

Казалось бы, бокс, предложенный им, заслуживает подробнейшего и сугубо специального исследования, заведомо абстрагированного от особенности биографии, черт характера и дальнейшей, после спорта, судьбы бойца.

Но я почти уверен, что бокс Агеева объемно не понять тем, кто не имеет сколько-нибудь ясного представления о его натуре, почти в равной мере послужившей и помешавшей долгому чемпионству. Летом 1967 года мы засиделись разношерстной компанией в одном питейном заведении. Среди нас был один очень знаменитый писатель. Он-то и спросил на излете гулянки у Агеева: «Правда ли, Виктор, что вы и

в жизни нередко деретесь?» Агеев ответил совершенно искренне, но в обычной своей шутливой манере: «А вы, Василий, смогли бы не писать?»

Позднее, уже в Америке, писатель несколько расширил агеевскую, как полагал он, остроту до рассказа, в котором боксер якобы говорит, как приятно бывает идти по улице в белом свитере и знать, что можешь от…ить каждого из встречных… Но смысл сказанного Агеевым он понял неточно. Агеев говорил совсем не про верняковый вариант, а про неутолимый ток в себе боевой крови, требующий поступков, где бы уникальность его умения вновь и вновь подвергалась испытанию и риску еще не до конца изведанного.

«Бокс – не драка». Я не поручусь, что песенка Высоцкого о сентиментальном боксере непосредственно про Агеева, хотя и не исключаю такого варианта. В песенке Высоцкий смеется, по-моему, над газетными штампами о «спорте отважных» и т. д. Одновременно готов и заплакать на нервном срыве от невозможности ничего изменить в отраженной сплошными штампами жизни, если никого по лицу не можешь ударить, притом что глупыми, бесталанными кулаками не все докажешь, пусть и ближе к видимой цели подступишь.

По-моему, Владимир Семенович (стало хорошим тоном так называть поэта) всерьез никогда боксом не занимался, но для драки себе удар поставил – и, если верить мемуарам Марины Влади, умел дать жесткий окорот обидчикам: люди

после его удара летели не вниз по лестнице «Арагви», а, наоборот, вверх…

Знакомство Высоцкого с Агеевым – опять же в ресторане, но уже театрального общества – произошло при перевернутых обстоятельствах. Агрессию проявил нетрезвый артист, а когда оторвавшийся от недопитых бутылок боксер намеревался предпринять встречные действия, внезапно погас свет. А уж на свету выяснилось – к обоюдному восторгу – кто есть кто. И круг знаменитых друзей у обоих расширился еще на одну культовую фигуру.

Что в уличной, что в ресторанных, что в прочих драках есть противоречащая любым эстетическим нормам специфика, совсем необязательно дающая стопроцентное преимущество боксеру. Вообще-то ген удовольствия от участия в драке присущ большинству мужчин. Не у каждого, разумеется, природный к ней талант или ею же заложенное присутствие духа. Умением хорошо драться награждают и литературных героев, и уж обязательно кинематографических. Поэтому лицемерием было бы во всех случаях осуждать боксера за драку в быту, даже сознавая его (вооруженного умением) опасность, за что он и несет ответственность по закону. Но на законы надейся, а сам не плошай…

Конечно, чаще всего боксера пугаются и отдают ему инициативу, а себя – на милость вероятному победителю. Но иной потерпевший, отчаявшись, делается, в свою очередь,

опасным – и тогда способен на чрезвычайно экстравагантные решения. Я, например, слышал, что известного боксера Олега Каратаева застрелил на Брайтоне в ресторане «Арбат» оскорбленный им при даме посетитель. Каратаев не подозревал в нем оппонента и просчитался. Памятник из черного мрамора на Ваганьковском кладбище, возможно, и не послужит кому-нибудь напоминанием об осторожности, не бывающей излишней.

Оружие все больше и у нас в ходу. Кроме того, против профессионала иногда могут и численное превосходство эффективно использовать. Конечно, и у меня временами оставался неприятный осадок, когда узнавал о расправах Агеева с теми, кто не способен был оказать ему существенного сопротивления. Но я-то прекрасно знаю, что и в ситуациях, когда никакой у Виктора форы не оказывалось, он шел, не задумываясь, в бой против превосходящих сил противника. Мы дойдем еще здесь до тюремных страниц – и я вернусь к теме, не для всех, подозреваю, приятной, но без которой вряд ли возможно понять сущность нашего героя.

А для затравки задержусь на эпизодах более или менее развлекательных, хотя и на ту же самую тему…

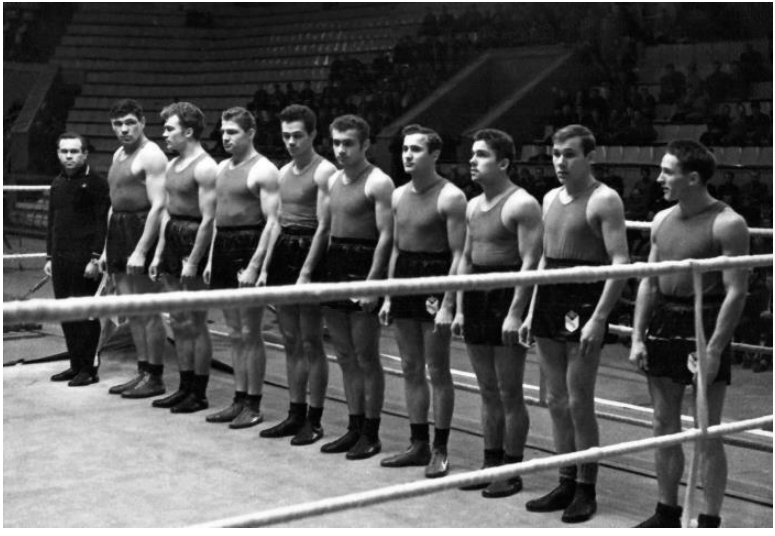
Был у нас тяж Андрей Абрамов – бесчисленное количество раз чемпион Союза и неоднократный европейский победитель – могучий, как и положено в его весовой категории, мужчина, не привыкший никого щадить в спаррингах.

И случалось, что никто и не соглашался становиться для Андрея спарринг-партнером.

В Ленинграде в начале 1960-х Агеев жил на сборах в комнате вместе с Абрамовым. И поскольку все равно гонял вес, сказал, как всегда подшучивая над тренерами, что за лишний трехрублевый талон встанет, выражаясь боксерским языком, против Амбала. Виктор работал тогда в категории до 67 килограммов и попросил соседа по комнате с ударами не переусердствовать. Предупредил, что талон на жратву он взял для Андрея. Но тяжеловес увлекся, давил животом, прижимал к углу – и отоваривал по полной атлетической программе. Правда, хитрый Агеев садился на пол в последний момент. И Андрей, довольно смеясь, от него отступался. Агеева такой сытый победительный смешок сердил – он приблизился к оборзевшему чемпиону и нанес ему чувствительный удар. Абрамов пришел в звериную ярость и бросился на дерзкого полусредневеса. Но резвый Агеев убежал за канаты – и, преследуемый разбушевавшимся шкафом, выскочил на улицу.

Зал, где проводились спарринги, – напротив цирка. Место людное – час пик – полно пешеходов. Худенький Виктор затесался в толпу незамеченным – ну может же по улице бежать мальчишка в трусах и майке? Но когда в таком же виде появился здоровенный дядя, все на него обратили внимание. Абрамов был вынужден ретироваться в боксерский зал. Беглецу же пришлось пролезть в окно сортира, незамет-

но прихватить свою одежду, а обиженному им тяжеловесу переслать в утешение талон: на три рубля тогда можно было поесть от пуза.



Сборная Вооруженных сил по боксу. В. Агеев пятый справа. 1960-е

Потерпевшим тем не менее Агеев себя не считал. И через какое-то время нарвавшись на ссору с Абрамовым в поезде, не колеблясь, врезал ему за милую душу. Но когда Виктора схватили за руки, Андрей, наконец, с ним рассчитался: приложился так, что агеевская губа на зуб наделась. Этим дело не закончилось…

Агеев, отбывший срок заключения, сразу по возвращении явился в ресторан ВТО, где, к своему удивлению, застал Абрамова, особенно и не тянувшегося к богеме. И снова Агеев демонстративной непочтительностью к старшему разозлил теперь уже экс-чемпиона. Последовало приглашение выйти на улицу – разобраться. На этот раз Агеев прибег к психологической уловке. Он вообще считает, что в большинстве своем тяжи – народ недуховитый (по мнению Виктора, самый большой недостаток для боксера – отсутствие боевого духа). С Агеевым в ресторан пришел приятель Гера – человек совсем не атлетического сложения. Боксер попросил его держать руку в кармане и ходить кругами возле выясняющих отношения спортсменов. Вышли в Козицкий переулок. Гера точно выполнил установку – и Абрамов стал сильно нервничать. То и дело спрашивал: «Ты чего там ходишь?» И утратил всякую агрессивность…

И еще случай с тяжеловесами. И тоже через годы после завершения карьеры боксера. Отарик Квантришвили пригласил Виктора Петровича на какой-то турнир борцов. Схватки на ковре Агееву быстро наскучили, и он перешел в буфет. Сел там за столик, отведенный для самых почетных гостей, и когда за ним собрались самые главные знаменитости цеха борьбы – Карелин, Ярыгин и другие близкого к ним ранга, – предложил уже на очень хорошем взводе такой неприлично-шутливый тост, что легендарные чемпионы ушам своим сплюснутым не поверили. Но догадались, что коллега из

другого жанра с выпивкой переборщил – и вывели его из-за стола под руки. Агеев не сразу и сообразил, что, сопровождаемый Карелиным и Ярыгиным, двигает ногами, не касаясь пола.

2

В энциклопедии бокса (есть такая) Агееву отведено несколько строк. Правда, ему нашлось место еще и в тексте про Бориса Лагутина: в рассказе о заслугах двукратного олимпийского чемпиона Виктор преподнесен как молодой его конкурент, но и не более того… *Я,* между прочим, обратил внимание, что о некоторых причастных к боксу, но, в общем-то, не выходивших на большой ринг в энциклопедии написано вдвое подробнее, чем про В. П. Агеева.

Входит ли скупость составителей внушительного тома в противоречие с тем, что по прошествии лет с завершения Агеевым боксерского пути он все более превращается в постоянную величину – константу, как говорят математики?

И да, и нет.

Агеев – отнюдь не самый титулованный из отечественных боксеров. Но произведенное им впечатление оказалось от титулов совершенно независимым. Недосказанное им на ринге способствовало мифу о нем гораздо больше, чем перечень громких побед. Не раз я сталкивался с людьми, совершенно уверенными, что Виктор выигрывал Олимпиады.

Ему охотно приписывали совершенное Лагутиным. А Лагутин, пришедший навестить зимой 2001 года Агеева в кардиологическую клинику, сказал про него доктору: «Это человек-легенда». Слова, прозвучавшие бы из уст газетчика

казенной фразой, в устах соперника, формально оказавшегося выше рангом, меня, например, взволновали…

С Валерием Попенченко мы соседствовали – и при встречах, естественно, нередко заговаривали про Агеева. «Вот тоже чудак с большой буквы «М», – высказался как-то Попенченко. – Я ему в Берлине, когда он Европу выиграл, не стал руку пожимать, пообещал, что пожму, когда он выиграет Олимпиаду!»

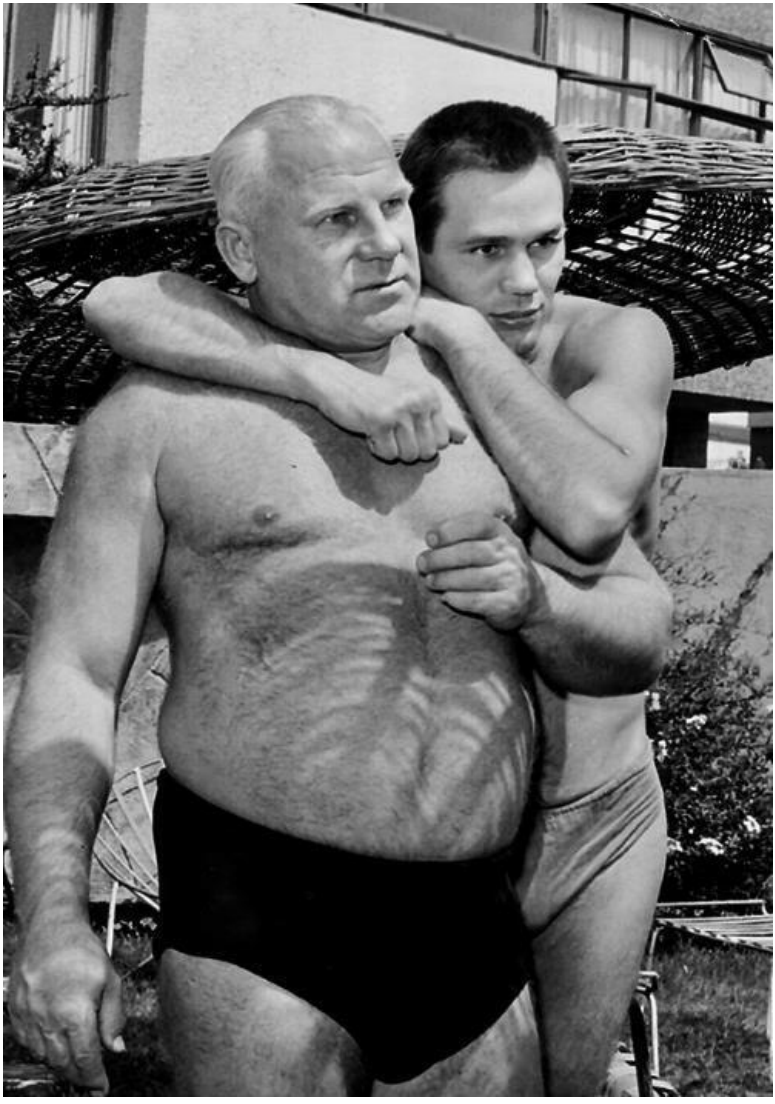
Теоретически Агеев имел шанс участвовать даже в трех Олимпиадах, но ни на одни Игры так и не попал. А когда бокс остался позади, я заметил, что тот же Валерий и другие именитые коллеги тянутся к Виктору, прислушиваются к нему.

Вместе с тем, попадая на первых порах – в 1960-е годы – в круги, связанные с боксом, я чувствовал, что там моего персонажа могут чуть что и отторгнуть. Помню, как встреченный мною возле бара в Доме журналиста тренер-кандидат наук предупредил: «Не на ту лошадь ты поставил!» А Виктор Агеев был тогда на пике славы.

Я понимаю смущение разного рода руководителей. Он не знал поражений. Но держался слишком уж независимо даже для чемпиона. Этого у нас не любят.

И коллег его по цеху бокса можно было понять. Они ощущали разностороннее превосходство Агеева. Но где же подтверждение тому в наивысших титулах? В спорте живут ради главных побед. А он – складывалось впечатление – живет

еще для чего-то более главного. Это сердило и озадачивало в нем, не сомневаюсь, многих…



С главным тренером сборной СССР В. И. Огуренковым. Мексика. 1960-е

Виктор Иванович Огуренков, тренировавший сборную страны, благоволил, в общем, талантливейшему боксеру. Но точно так же, как и прочие, утратил к нему всякий интерес после его злоключений.

В конце 1970-х, услыхав, что Агеев высоко котируется в армейском клубе, он обратился к нему с просьбой – пристроить и его на какую-нибудь подходящую должность в ЦСКА. Виктор поинтересовался: «А что же вы мне, Виктор Иванович, в тюрьму и открыточки не прислали?» Огуренков вилять не стал – сказал прямо: «Витя, ну если бы я знал, что ты так раскрутишься, я бы тебе продовольственную посылку туда прислал!»

3

Отец Виктора – он ушел на войну сразу после рождения сына – вернулся из немецкого плена только в 1946 году. Долго проходил всяческие проверки, фильтрацию. Но сын узнал папу сразу же, как только тот вошел в стометровый коридор общежития, где их семья квартировала…

Отец привез сыну трофейную скрипку. Судя по всему, дорогую, настоящую. Правда, уже к вечеру музыкальная ценность инструмента свелась к нулю – по бесконечному коридору дети катали на ней друг друга, уцепившись за оторванные струны.

Я теперь шучу, что отнесись пятилетний Витя к отцовскому подарку по-другому, висеть бы сегодня его портрету в кабинете у Панченко. В огромном кабинете нашего с Агеевым общего друга, видного импресарио, генерального директора Госконцерта Владимира Всеволодовича Панченко на всех стенах его фотографии с музыкантами мировой знаменитости: он и Паваротти, он и Шнитке, он и Гергиев, он и другие… Но я видел в этом мемориальном пространстве и агеевское изображение. Снимок, превращенный в простыню цветного плаката. На снимке заметно пополневший с боксерских времен В. П. сфотографирован в обществе Майка Тайсона и Дона Кинга. И надо видеть, с каким почтением смотрят миллионеры на белого господина, о чьих спортив-

ных успехах они вряд ли наслышаны (да и вряд ли в мире профессионального бокса такие успехи очень уж принимают в расчет), а под воздействие биополя явно попали…

4

Моя зарисовка про Агеева, сделанная вскоре после его первого чемпионского титула на Спартакиаде, прошла положенные редакционные инстанции и легла на стол заместителя главного редактора газеты «Советский спорт» Филатова.

Лев Иванович Филатов – выпускник довоенного ИФЛИ[1], где учились многие из впоследствии знаменитых литераторов, был наиболее культурным (что среди начальников во все времена редкость) сотрудником тогдашней редакции, но с отчетливыми футбольными пристрастиями. Он, на удивление, без придирок принял мою работу. И лишь толсто вписал синим карандашом поверх моего вычурного заголовка свой – «Боксер нашего времени».

Я слегка покривился, вслух не возразив, – о необычном боксере Агееве и мне, конечно, хотелось написать, всех поразив оригинальностью своих воззрений, суждений и стиля. Но с годами я понял, насколько прав оказался Лев Иванович, выделяя современность Виктора…

Предвосхищая отдаленное от начала повествование, скажу, что и сегодняшнего Агеева отнес бы к тем, кто и в нынешней действительности не заблудился, не затерялся и на обочине времени не оказался.

---

[1] Институт философии, литературы и истории *(прим. ред.)*.

Но сначала – о том периоде, когда победы в боксе сделали его очень скоро очень-очень знаменитым…

… Для тех, кто ходил в героях 1960-х, наступил момент сделаться для молодежи фигурами, которые рассматривают по большей части в ироническом ключе.

Ну для молодежи – ладно. Молодежи не угодишь. И вряд ли надо угождать (что, впрочем, другой разговор).

Однако шестидесятников, которыми теперь принято считать и называть всех знаменитостей либерального толка (и к ним примкнувших), поругивают или вовсе отрицают теперь и соседи по времени – сверстники, получившие тогда дивиденды за ортодоксальность. Эти ортодоксы, когда стало можно изменить образ мыслей, не вступая в наказуемое противоречие с властью, сориентировались быстрее либералов – и зажили по-новому…

Мыслящих самостоятельно людей немного в каждом поколении. А сейчас бы впору огорчиться, что их катастрофически мало. Особенно почему-то среди тех, кто на виду у всех. Возможно, потому, что оригинальные мыслители редко в фаворе у властей любой окраски. А соблазн прислониться к силе во все времена неизменно велик.

Шестидесятников вообще-то легко осуждать, раздражаясь их наивным нарциссизмом, неотделимым от их безусловной храбрости, иногда и безоглядной, пусть и подогреваемой неутолимым честолюбием.

Шестидесятники не вполне бескорыстно распорядились мигом оттепели. Но признаем, что всем нам повезло, что на виду оказались и задержались они. Пусть некоторым из их лидеров пришлось и душой покривить, чтобы из седла не вылететь. Хуже было бы, не сохрани они позиций до худших времен, которые не заставили себя ждать.

Человек, поддерживающий возрожденные в 1960-е годы надежды, если не уходил в опалу (а кто, как и в былые времена, в тюрьму) или в подполье, постепенно сникал или слишком уж тщательно камуфлировался (я не говорю, разумеется, про скурвившихся).

Догадываюсь, что вряд ли буду понят без обид и ревности. Но характер этого повествования вынуждает меня сознаться, что образ шестидесятника-победителя (без видимого страха и незаслуженного упрека) я нахожу воплощенным до конца только в большом спорте.

Вероятнее всего, в самой драматургии спорта наивысших достижений генерировались существенные преимущества перед подцензурным миром искусства и литературы.

В кино, в литературе и театре художественные прибавления (уж простите, буду пока придерживаться физкультурной речи) подвластно регламентировались – нельзя избавиться от мысли, что власть нарочно портила вкус вверенного ей населения огромной страны, не просто огрубляя его, но и примитивизируя.

Работники искусства и литературы вынужденно переста-

вали полагаться на своего читателя и зрителя. Избегали нюансов. Обращались к наиболее уязвимым для этой же цензуры средствам публицистики. В ходу как главный козырь и достоинство вольнодумства стало понятие гражданственности. В чем, однако, не могло не таиться лукавства.

Прогрессивные деятели не в состоянии были славить, а не критиковать то отечество, которое есть, – и в чьем многолетнем существовании реалист тщетно заставлял себя усомниться. Но начальство не очень-то и разрешало обращаться к реалиям советского быта, не трансформируя их соответственно лозунгам и декларациям. Поэтому и самые либеральные из официально признанных в искусстве и литературе лиц попадались (вместе с завоеванной ими аудиторией) в расставленную советской идеологией ловушку. Апеллировали к гражданственности в несуществующем для истинных граждан государстве. Принимали навязанные им правила игры, сгоряча, конечно, их нарушая. Идеологические рефери, подобно футбольным судьям, показывали им желтые и красные карточки, иногда, в самые вегетарианские времена, правда, ограничивались устными замечаниями…

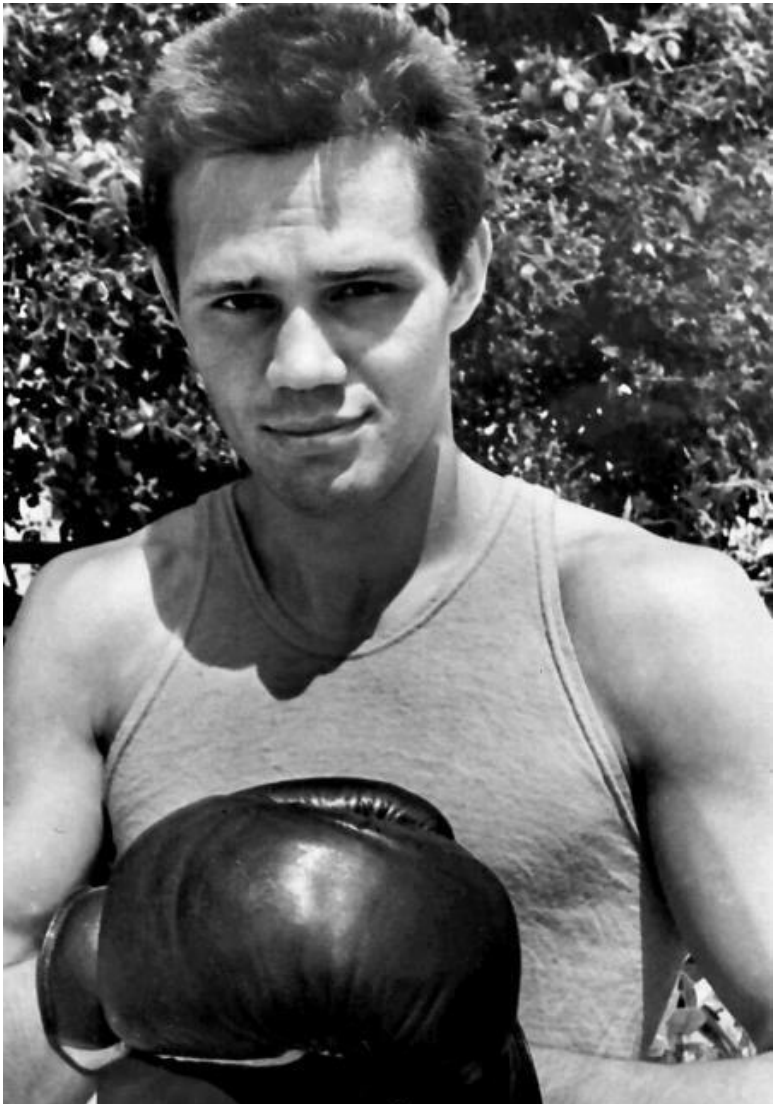
Спортсмен биологически запрограммирован на победу. И пока он побеждает, власть повернута к нему наиболее эффектной, привлекательной стороной. А на вовсе не нужное ему понукание он, привычный к советским порядкам, не сильно бывает обижен. Требования, в общем-то, не расходятся с его намерениями.

Мне показалось, что идеологический прессинг скорее всего даже льстит гладиатору – он чувствует себя существенной частью державы, империи. На инакомыслие – в правозащитном толковании – у него попросту времени нет.

Как же получалось, что спортивная, а не какая-либо другая среда порождала людей, наиболее отвечающих эстетическим идеалам неразрешенного вольнодумства? Причем не только на арене, но и в быту, контролируемом в советские времена с почти инквизиторской суровостью…

В 1960-е годы прославились ведь и чемпионы, не уступавшие или почти не уступавшие в дарованиях Власову, Брумелю, Талю, Воронину, Агееву, Кучинской, однако в рамках заданной правильности ничуть не тяготившихся душевно (либо не подававших вида, что все-таки тяготятся). Но чемпионы без «придури» (или «придурь» эту скрывавшие) и не оставили после себя загадки для последующих десятилетий, хотя как символы и эмблемы в спортивной истории задержались.

Может быть, в том-то и дело, что названные мною вряд ли могут быть примером для подражания в силу их самих же мучившей неподражаемости, обрекавшей на ту или иную форму одиночества? Хотя и не поручусь, что одинокими в конце концов не ощущали себя и невзбрыкивающие символы-эмблемы…



Виктор Агеев – герой своего времени

Большинство из тех, в чей ряд я, не задумываясь, включил Виктора Агеева, а не Лагутина или Попенченко, фигурируют в разного вида символических списках, составляемых экспертами и журналистами в конце XX века.

У моего героя объективных возможностей попасть туда не было. Но учитывая своеобразие страны, где он жил, дрался и не затерялся, смешавшись с массой утративших к себе интерес людей, абсолютному признанию всегда препятствует недостаток или полное отсутствие признания на бюрократических этажах. И недополученное в общем порядке с лихвой, по-моему, возмещается мифом частного присутствия в истории…

Что из того, что Агеева первым в его жанре не назовут, как поспешили бы сделать, заговори мы про Брумеля, про Власова, про Яшина?

Ведь сказал же про него писатель, наиболее чутко выразивший молодое брожение 1960-х, Василий Аксенов: «В любой другой стране он стал бы кумиром молодежи». У нас же в ту пору подобные качества не могли быть в чести. Сам Агеев иронизировал: чемпиону нашего бокса требовался имидж комсомольца.

Знаменитого боксера В. Агеева узнавали автоинспекторы

Образ Агеева продолжал существовать, что бывает крайне редко, и безотносительно успехов на ринге. Уже вроде бы и отошедший от спорта на расстояние, грозящее внешним забвением, Виктор столкнулся на пороге ресторана «Ленинградский» – вынужден предупредить, что это место действия еще не раз появится в рассказе об агеевской жизни – с Олегом Стриженовым. И народный артист шумным приветствием не ограничился – рухнул прилюдно на колени перед бывшим чемпионом, призывая всех окружающих обратить вни-

мание, кто пожаловал одновременно с ними в предприятие общественного питания.

Между нами говоря, Стриженов – не из тех, кто ищет себе кумиров и склонен излишне преклоняться перед чьими-либо достоинствами или славой. Но с приветствием Агеева – особый случай. Олег Александрович незадолго до появления Виктора в большом боксе снимался в главной роли в фильме «Мексиканец». Для съемок в сцене боев, где партнером тогда уже знаменитому артисту стал настоящий полутяж Геннадий Степанов (его брат Анатолий, тоже чемпион страны, снялся в известной каждому комедии «Первая перчатка», позвавшей на ринг многих мальчишек), Стриженову пришлось брать уроки у тех же тренеров, которые учили Агеева, у Виктора Павловича Михайлова, например… И мне показалось, что исполнителю роли Риверы и в дальнейшем хотелось чаще ассоциироваться с настоящим боксером. И в Агееве он, распаленный ресторанной атмосферой, готов был видеть лицо легендарно-родственной номенклатуры…

Я шучу теперь, что советская власть своими придирками оказала Виктору Петровичу Агееву неоценимую услугу. Разреши она ему подольше задержаться в боксе, неизвестно, сколько бы он, при всей своей гениальной увертливости, получил еще ударов по голове. А так Виктор с великолепно сохраненным мозгом в этой жизни, которая не щадит и самых выдающихся спортсменов, беззащитных перед неизбежными оплеухами повернувшейся к ним обратной сторо-

ной судьбы, кажется мне человеком поудачливее многих, в том числе и тех, кто комплиментарнее преподнесен публике во всевозможных справочниках и праздничных перечнях.

Но мне не перестает казаться, что и закончив выступления на ринге, он сохранил в себе привычку заглядывать в бездну. Не отошел от края на положенное отставнику расстояние.

5

Он пришел в бокс с богатейшим опытом московского дворового детства. Занятия боксом – он начал их в пятнадцатилетием возрасте – можно бы и посчитать завершением этого детства, тем более что тинейджерский рубеж Агеев к тому моменту уже переступил. Но можно видеть в произошедшем с ним и продолжение детства до безразмерности, как безразмерен оказался двор, где он рос, чью философию благодарно воспринял – рано и надолго.

Упрощая предположение, можно, конечно, превратить в прелюдию к боксу лишь воспоминания, как Агеев играл в футбол, как занимался спортивной гимнастикой, как бегал в легкоатлетической секции. Но меня больше занимают житейские элементы, принесенные, а затем и привнесенные Витей в бокс.

В Мексике. 1960-е

Виктор – поздний ребенок. Маме было тридцать восемь, когда она его родила, а отцу – тридцать четыре. Единоутробному, то есть по матери, брату Жене к тому времени минуло тринадцать…

Жили на Пироговке в общежитии Военно-политической академии – мать служила в хозяйственной части уборщицей или кем-то там. Первых поселенцев общежития почти всех до войны пересажали – и народ, оставшийся здесь в послевоенные годы, был хорошо напуганным.

Известная большинству старых москвичей коридорная система – в коридоре по двадцать семей, кухня общая, туалет один на всех. В каждой семье по два, по три ребенка. Отцов, как правило, у них нет. Основной контингент – вдовы.

В разделенном на корпуса семиэтажном доме полторы тысячи квартир. Это значит, что детей во дворе тысячи две с половиной. Двор, как я уже сказал, для таких детей – понятие никак не строго ограниченное. Двор – самая малая из родин детства. Обживались подробнейшим порядком все окрестности.

Обязательно заносило и в цыганский табор – бараки напротив Новодевичьего монастыря. С цыганами дружили. На месте теперешнего здания с кинотеатром «Спорт» на первом этаже стояли деревянные дома, и к ним еще пристраивали жилища из ящиков. Двор тот прозывался «Сопливкой» –

обитали там нищие и юродивые. Уроки Усачевского рынка были поинтереснее школьных. Мужик, торговавший малиной, догнал Витю, прихватившего горсть ягод, – и давай лупить. Но смышленый ребенок обмазал лицо раздавленной ягодой и орал так, что сбежавшийся на крик народ набросился на торговца, раз он в кровь избивает.

Насилия будущий чемпион бокса не терпел с детства. Ирина Ивановна – молодая, симпатичная учительница – порядок в классе редко могла навести. Дети школьную программу сильно разнообразили – за академический час успевали и в перышки сыграть, и в расшибец. Или дверь вдруг в классе распахнется – на пороге парень с пироговского двора, показывает голубя: «Смотри, Витек, красного поймали».

Ирина Ивановна не выдерживает – начинает обломком стула бить по столу. Не помогает. Подошла к Агеевской парте – размахнулась, чтобы подзатыльник ученику дать, а он подставил перышко острое от ручки. Учительница ладошку наколола – вызвала мать. Мать приходит и видит картинку: сыночек во время урока на подоконнике сидит, заигрался. Что ей оставалось, как не огреть его сумкой?

У монастыря – ров. Три пруда – ничего лучше не придумаешь для игры в пиратов на плотах. На ивах «тарзанки» висели – раскачивались на веревках в подражание персонажу из трофейного кинофильма.

Игры такого детства безобидными не бывают. Летом пруд

начинал цвести – и один из сверстников Агеева утонул, запутавшись в клейких водорослях. Зимой в прорубях ловили рыбу – и Виктор дважды проваливался, тоже едва не утоп.

Но первым делом был поиск пропитания – жрать хотелось постоянно. Бродили в тех местах, где сейчас Лужники – и тогда, между прочим, у реки размещался стадион «Химик». Но больше привлекал совхоз «Красный луч» с помидорами, огурцами, картошкой. При купанье на Воробьевых горах – уходили через мост, через окружную дорогу – тоже удавалось доставать еду с не меньшим риском. По реке проходили баржи, груженные арбузами, дынями, мужики, сопровождавшие их, вооружались шестами, били по головам. Но все дети со двора Агеева плавали и ныряли отменно. Вот вам и профессиональный – оплачиваемый худо-бедно – спорт с нежных лет. Еще эффектный маневр – прицепиться крючком к машине, развозящей хлеб, на коньках – и позаимствовать на ходу батон-другой…

На окружной дороге взрослые ребята подпиливали доски в дне вагона и запускали маленьких – тырить жмых, овес. Очень настойчиво искали клады, но находили в грязи сточных решеток ордена и медали минувшей войны, оброненные пьяными фронтовиками.

Напротив дома, где все детство жил Агеев, – Абрикосовский переулок. И там судебно-медицинский морг. Футбольная площадка как раз во дворе морга. Сквозь разбитые стекла подвальных окон видны трупы. Когда мяч туда залетал,

приходилось спички тянуть: кому лезть? Формалином пахнет, мошки какие-то летают… Агеев говорил, что после детства покойников уже не боялся.

По Большой Пироговке проходили похоронные процессии, направлявшиеся на Новодевичье: погребали разных знаменитых людей, генералов и штатских. Ритуал завораживал. Чуть позднее, на одних из первых своих больших соревнованиях в Ростове, Виктор жил вместе с товарищем детства Вадимом Емельяновым в гостинице «Южной» на улице Энгельса, тоже ведшей на главное городское кладбище. И Агеев поверил в примету: «Увижу покойника – выиграю…»

Детство проходило по больничным паркам. На Пироговке во дворах лечебных корпусов множество лабораторий. Агеев видел овчарку с пришитой на загривок головой болонки – гибрид ходил по кругу.

Общее место – говорить про драки, выпавшие на детство боксера. Дрался, конечно, и много дрался. Я из вежливости никогда не расспрашивал Агеева о подробностях тех драк, делал вид, что не очень интересуюсь через годы их исходом. Почему-то думаю, что не всех своих сверстников Виктор обязательно одолевал. Физической силой он не выделялся – это я от него слышал. Но когда поступал в секцию гимнастики, три раза на перекладине подтянулся – и его приняли. Но ему там не понравилось. Попробовал бегать…

Конечно, послевоенного подростка больше всего притягивал футбол. В их дворе – вообще спортивном по сути (мно-

гие ребята специально занимались борьбой, хоккеем) – регулярно сколачивались футбольные команды. Играли подолгу. И записываться в футболисты пошли на стадион компанией.

Все рвались быть форвардами. И только Агеев, что-то смекнув, заявил составлявшему список, что он защитник. И форму выдали не тем, кто лучше Виктора играл, а ему.

Поверивший Агееву на слово тренер сразу поставил его в состав на ближайшую игру. Но тут же выяснилось, что на таком большом поле играет он в первый раз. И не туда бежит. Партнеры стали на него орать. «И на этом, – вспоминает Виктор Петрович, – закончилась моя футбольная деятельность».

И все же не удержусь, чтобы не засвидетельствовать: для боксера он играл в футбол очень и очень неплохо. Не знаю, как получилось бы на большом поле, но на нескольких площадках имел честь играть с ним и нашими приятелями – профессиональными игроками, – и видел, что перед ними он не тушевался. Впрочем, может быть, это они побаивались слишком тесных игровых контактов с ним.

6

Возможно, в бокс он пришел позднее, чем большинство в него приходит, из-за травмы, полученной в раннем детстве. Он сверзился с лестничных перил и получил серьезное сотрясение мозга. Поэтому и в школу пошел на год позже. Учился в одном классе с мальчиком, бывшим на год младше, – соседом по квартире Вадиком Емельяновым. У Вадима умерла мать, работавшая в академии, – и после третьего класса его как сына погибшего на войне офицера взяли в Суворовское училище. Емельянов впоследствии тоже стал боксером.

В бокс Агеев пришел после седьмого класса, завершив, как тогда считалось, среднее образование. Он трудился на шелкокрутильной фабрике имени Свердлова, учился на сварщика винипласта.

На тренировке с В. Ф. Коньковым

Начинались его занятия далеко от дома – на стадионе «Красное знамя» в парке имени Павлика Морозова на Пресне. Прозанимался там месяц и вдруг узнал, что секция бокса есть рядом с домом, на «Химике».

Боксеров на «Химике» тренировал Коньков…

Вот Владимир Фролович Коньков, по-домашнему – дядя Володя, нобелевскому лауреату Бродскому точно бы понравился. Прошедший войну разведчиком, он выглядел безупречным английским джентльменом от бокса. Вылощенно-сухопарый, и в лице приятная породистая строгость. Рефери по облику и складу. По типу – не боксер и не тренер.

Благодаря кинофильмам, где он изображал себя, судью по боксу, Конькова знала в лицо страна. Ну и бокс стал телевизионным жанром, как только телевидение вошло в обиход советских людей. Надо было очень постараться, чтобы бокс с телеэкранов исчез и не стало ныне чемпионов, которых бы узнавали на улице.

Коньков обычно Агеева не секундировал – поскольку на крупных соревнованиях неизменно судил. Этим он приучил Виктора к ранней самостоятельности. Притом что в начале карьеры влияние Владимира Фроловича на подопечного было неоспоримым.

Не слышал о громких победах Конькова на ринге, сомневаюсь, что он был выдающимся бойцом, да и вообще всерьез и долго дрался. Коньков – прежде всего педагог. И, прежде чем развернуть тезис о самостоятельности Виктора Агеева, хотел бы заметить, что встречу его в пятнадцать лет с Коньковым стоит посчитать большой жизненной удачей.

Есть расхожее мнение, что в начале занятий боксом необходимо жестоко испытать новичка, напрячь его волю, проверить на возможный испуг. Но Коньков относился к тем наставникам, которые были убеждены, что не надо травмировать психику мальчишек понапрасну. Ничего страшного, если втягиваться в бокс они будут, как в игру, без боли и страха. Восприимчивость юности лучше всего использовать для обучения технике. Поставить вкус к непрерывности сообра-

жения на ринге. От предстоящего мужества не убудет, если бокс начнется для мальчишки с пятнашек-салочек. Когда незаметно для себя он привыкнет, что основа основ в правильно поставленном бою – передвижение на ногах. Боксеры так всегда и говорят: передвижение на ногах, как будто можно по-другому двигаться… Но боксеры редко красноречивы, а понять, что подчиненные мысли, а не страху ноги всегда выручат и приведут тебя на ринге куда надо, желательно пораньше…

Виктор Агеев:

Вы знаете, есть тренеры, которые сами были большими чемпионами, и они говорят: «Делай так, бей так». И работают с тобой над теми приемами, которые они знали, другого ничего не дают. А все, что говорил Коньков, мы согласовывали и вместе над этим творчески работали. И у нас здорово получалось.

У Конькова была своя машина. Ездили на ней в Серебряный Бор. Виктор бегал, бил по лапам… Все, словом, как во всех рассказах про знаменитых боксеров. Скучно повторяться, ей-богу!

Главное, что Коньков не мешал Агееву разобраться в себе. Точно представить, с чем он сюда пришел. Поверить, что с его данными – высокий рост при малом весе, редкостная реакция – есть смысл искать выход из лабиринта, а никому в затылок не пристраиваться. Он поддержал в Агееве выбор своего сюжета в боксе – ни при каких обстоятельствах

не дать себя бить по голове, разрушать аппарат неустанного изучения возможностей противника. Откуда же еще возникнуть способности бить соперника не вообще, а только по незащищенным частям головы и туловища? Коньков к тому же видел, что наблюдательность – талант боевого зрения – среди главнейших агеевских козырей.

Первое, что сказал мне Агеев как корреспонденту, захотевшему о нем написать: «Вы меня видели на ринге? Заметили, наверное, я боксирую не совсем обычно». Но определить эту необычность то ли не сумел, то ли не захотел – и объяснил, используя ходовой термин: «Я работаю на контрах…» Еще говорят «вторым номером».

> **Виктор Агеев:**
>
> Мне нравилось вызывать противника, чтобы он бил, и уходить, чтобы он не попадал. Зрители это воспринимали хорошо. Казалось бы уже все, неминуемо пропустишь удар, а в этот момент раз – и уходишь, удар идет мимо и противник сам раскрывается. И в этот момент ты сам наносишь ему удары. Интересно и красиво было.

Я тогда же подумал с завистью о подобной жизненной позиции. Не лезть в драку, очертя голову, что чаще всего случается не от осознанной агрессии, а от неуверенности в своих силах, когда надеешься на ярость, которая рождается от полученных ударов, когда в драку уже ввязался – и нет из нее обратного пути, кроме как к позору быть избитым.

Но бокс, о чем мы уже знали из фильма «Первая перчатка», – прежде всего умение выжидать. Это выжидание так же важно, как и умение нападать, атаковать. Только такое умение труднее дается.

Я по разным причинам, которые сейчас, когда жизнь прошла, уже совсем не кажутся мне существенными, так всерьез и не занялся боксом, хотя несколько раз и начинал – и по сегодняшний день в опасных ситуациях непременно воображаю себя боксером.

В двадцать три я, конечно, понимал, что сам никогда уже боксером не буду. Но Агеев, годом меня младше, показался мне воплощением моей потаенной, по сей день огорчающей несбыточностью мечты. Мне показалось в первый же миг разговора с ним в редакции, что я давным-давно его знаю, понимаю, чего он в этой жизни хочет, и многие соображения о боксе, высказанные Виктором, сразу меня увлекли, словно и моих дел впрямую касались. Мне казалось, что его опыт и мне зачем-то пригодится.

Однако в том, что он мне тогда говорил, о чем рассказывал с неожиданной охотой человека вряд ли словоохотливого, но умеющего говорить и, главное, знающего, что сказать собеседнику, чем его заинтересовать, чувствовалось весьма трезвое, прагматическое даже толкование своей профессии. Я обратил внимание, что, вспоминая бои на ринге, он излишне подробно задерживается на действиях и поведении противника: «Я понял, он сейчас ударит правой сильно», «…Он

мне в глаза старается не смотреть – думает выиграть нокаутом», «Он на ноги смотрит, по положению ног определяет, как буду бить», «Мне потом говорят: что же ты правой не бил, когда он стоял в углу? – а я чувствую: сейчас полезу – сам нарвусь на встречный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.